
Екатерина Никандрова
Дилогия "Любовь и тайны"
18+

Екатерина Никандрова

Дилогия "Любовь и тайны"

«Автор»
2026

Никандрова Е.

Дилогия "Любовь и тайны" / Е. Никандрова — «Автор», 2026

Дилогия из двух книг "Алиса, проснись!" и "Твоя Дженни". Два детектива под одной обложкой. Две героини, которые совершили немало ошибок, но нашли в себе силы подняться и идти дальше.

© Никандрова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 21
Глава 8 24
Глава 9 26
Глава 10 29
Глава 11 31
Глава 12 33
Глава 13 37
Глава 14 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Екатерина Никандрова
Дилогия "Любовь и тайны"

Алиса, проснись!

Дисклеймер: все персонажи, локации, организации и описываемые события являются вымышленными. Любое совпадение с реальными событиями, локациями, организациями, с реально живущими или когда-либо жившими людьми — случайно.

В книге присутствуют сцены употребления алкогольных напитков. Автор не одобряет употребление алкоголя и предупреждает, что чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Глава 1

— Алиса, просыпайся!

Голос звучит словно бы прямо в моей голове, и я машинально повинуюсь и открываю глаза. Взгляд упирается в ослепительно белый высокий потолок. Обрывки воспоминаний изо всех сил пытаются всплыть на поверхность сознания, но то немногое, что я помню, точно не предполагает никаких столь великолепных интерьеров. Потираю глаза обеими руками: где это я?

— Алиса? — поворачиваю голову и в дверном проеме вижу его. Красивого настолько, что я, как зачарованная, не могу отвести глаз. Он еще не успел надеть футболку — лишь потертые джинсовые шорты, в руках — полотенце, которым он, похоже, только что вытирал влажные после душа волосы. Мои зрачки расширяются до невероятных размеров, а незнакомец смотрит на меня с удивлением и даже, отчасти, с беспокойством.

— Ты в норме? Так и знал, что тебе противопоказаны все эти затянувшиеся допоздна вечеринки!

Я нервно сглатываю и часто моргаю, стараясь не смотреть на его плечи. Не знаю, во что я влипла, но сейчас явно не самый подходящий момент, чтобы начать выяснять подробности.

— А, да, ох уж эта вечеринка, — говорю максимально беззаботным, по моему мнению, голосом.

— Я сделаю тебе кофе, может быть, так тебе будет легче проснуться, — произносит незнакомец, подходя ближе, и, о Боже, внезапно целует меня в щеку прежде, чем я успеваю отпрянуть. У него приятный голос и говорит он чудно́, немного растягивая слова.

Незнакомец выходит из комнаты, а мои мысли лихорадочно мечутся в голове. Кто я и где это я? Кажется, я помню, что мое имя — Алиса. И это, пожалуй, единственное, в чем я сейчас хоть сколько-нибудь уверена.

Из приоткрытого окна, которое начинается, кажется, почти у самого пола, до меня доносится шум машин и расплывчатый калейдоскоп звуков большого города. Резко вскакиваю с кровати и подбегаю к окну: закрываю рот руками, чтобы не вскрикнуть, так я высоко. Какой же это этаж? Черт, ну двадцать пятый, не меньше. И этот город, определенно, мне не знаком.

Справа от меня — огромное зеркало в потертой золоченой раме, прислоненное к стене. Я боюсь повернуть к нему голову, но после секундного колебания все-таки поворачиваю.

Это я? Нет, это ведь не может быть правдой! Подхожу ближе: «А я, пожалуй, симпатичная», внимательно разглядывая себя с ног до головы, но нет, эту девушку я не узнаю.

В этот момент мой новый знакомый где-то в другом конце квартиры, видимо, на кухне («да, он же пошел за кофе») стучит ложечкой, что-то размешивая в чашке, и я понимаю, что времени выяснить еще хоть что-то до его возвращения у меня остается критически мало. Взгляд цепляется за стопку писем, небрежно брошенных на журнальный столик. Быстро просматриваю их дрожащими руками, кто адресат, как его имя? Майк…

— Твой кофе! — Майк возникает рядом со мной внезапно, словно иллюзионист. В его руках небольшой поднос с двумя чашками черного кофе.

— Спасибо, Майк, — я улыбаюсь со всей благодарностью, на какую способна, в глубине души надеясь только, что те письма были адресованы ему, а не, скажем, его дедушке.

Отпиваю глоток кофе и морщусь, не успев сдержаться: теперь я, определенно, знаю о себе и кое-что еще — я ненавижу кофе с сахаром! А этот — именно такой!

— Ты что же, совсем ничего не помнишь из того, что было вчера? — Майк, все-таки оказавшийся Майком, смотрит на меня озабоченно.

«Милый, — думаю я, — а что, если я сейчас скажу тебе, что я не помню не только того, что было вчера, я не помню толком ничего. Кроме, возможно, своего имени».

Но по простодушному и искренне взволнованному лицу Майка я понимаю, что он еще не готов к подобным откровениям, и только вздыхаю в ответ.

Майк проводит рукой по моей щеке и ободряюще улыбается: «Дурная это идея — устраивать презентации по воскресеньям, давай, собирайся, я подброшу тебя в офис».

Офис? Час от часу не легче. Делаю милое лицо и киваю, а когда Майк усаживается с ноутбуком на свою половину постели, уверенно выхожу из комнаты, надеясь, что смогу быстро найти кухню в этой огромной квартире и вылить мерзкий кофе в раковину, где ему самое место.

Будь увереннее, Алиса, увереннее!

Пока лифт плавно опускает нас в подземный паркинг (оказывается, я знаю о существовании подземных паркингов), я искоса осматриваю в зеркале себя и Майка. Я поняла, что не живу здесь постоянно, потому что кроме вечернего платья, что, видимо, было на мне вчера на той злополучной «вечеринке», в гардеробной было совсем немного моей одежды. Пришлось надеть брючный костюм: широкие брюки, объемный пиджак, и майку на тонких бретелях. И, о Боже, туфли на шпильках. На которых я почему-то умею ходить. У меня дорогая сумка, браслет и серьги (откуда, интересно, мне известна цена этой сумки?) и, о ужас, кольцо с небольшим аккуратненьким бриллиантом на безымянном пальце левой руки!

Майк ловит мой взгляд в зеркале и самодовольно улыбается, как бы подтверждая, кто подарил мне это кольцо.

В надежде глотнуть свежего воздуха, сев в машину, я опускаю стекло. В салон врывается жаркий летний ветер, принося с собой пыль и запахи большого города, но не освежая. Майк мастерски лавирует по шумной улице, а я пристально вглядываюсь в небоскребы, машины и людей, спешащих по своим делам. Ноль совпадений — ничего знакомого, ничего что я могла бы узнать, никаких зацепок для моей потерянной памяти.

Когда Майк лихо притормаживает у входа в многоэтажное здание с вращающимися дверями, я интуитивно понимаю, что это тот самый «офис», в который он обещал меня подбросить. Майк неприкрыто гордится собой: у него крутая тачка, и с ним рядом красивая девушка. А на пальце у нее кольцо, его кольцо. У меня болит голова, туфли безбожно жмут, и очень хочется снять тяжелые серьги и браслет, прямо-таки оттягивающий запястье. Интересно, как мне узнать, какой из офисов в этой громадине из стекла и металла — мой?

— Алиса? — мой спутник смотрит на меня вопросительно, перед входом явно нельзя парковаться, и мы задерживаем движение.

— Я пойду… до скорого!

Увереннее, Алиса, увереннее!

Майк притягивает меня к себе: в его поцелуе смешиваются запах дорогого лосьона после бритья, кофе и мятной жвачки.

— Я сегодня задержусь, милая, ну, ты знаешь. Позвоню как освобожусь, попроси Мэдди подбросить тебя домой.

Не имею ни малейшего понятия, кто такая эта Мэдди, но что мне остается делать?

— Хорошо… пока, Майк!

Войдя через вращающиеся двери в здание, стою, словно я не в себе, рассматривая грандиозный холл с мозаичным мраморным полом и высоченными потолками. Люди вокруг спешат по своим делам и, кажется, никто не обращает на меня никакого внимания. Лихорадочно роюсь в сумке. Должно же быть хоть что-то, пропуск, визитка. Чтобы понять, где здесь, черт возьми, я работаю.

— Алиса! — сказано почти шепотом, но я услышала.

А потом, прежде чем я успеваю хоть что-то сообразить и начать сопротивляться, чья-то рука хватает меня за плечо, и тащит обратно через стеклянные двери, на шумную улицу, где взбесившийся, словно самум, ветер швыряет мне в лицо дорожную пыль.

— Не шуми, ни к чему привлекать внимание, — шепчет тот же голос. Это мужчина, и он крепко держит меня за плечо, но сам стоит немного позади меня, так что я не вижу его лица.

— Кто ты такой? Отпусти меня! — я не кричу, от шока у меня, кажется, пропал голос.

— Очень смешно! Ты прекрасно знаешь, кто я! — он явно раздражен, но также в его голосе я отчетливо различаю недоумение. Похоже, не только я одна теперь не понимаю, что происходит.

Незнакомец подталкивает меня в сторону боковой улочки, а я покоряюсь ему, решая усыпить его внимание. Как только мы сворачиваем за угол и проходим несколько метров, я приподнимаю ногу чуть выше, чем мне необходимо для обычного шага, и с размаху бью его каблуком в ступню. От неожиданности похититель выпускает мою руку, и я опрометью бросаюсь к тому месту, где затененный переулок сливается с большой улицей: там люди и машины, бежать, позвать на помощь!

— Алиса, постой! Да что с тобой! — кричит он мне вслед. И я, сама не зная, почему, под действием какой-то непреодолимой силы, медленно останавливаюсь и оглядываюсь.

Потертые джинсы, клетчатая рубашка, пряди темных волос падают на лоб. На его шее над воротником рубашки видны четкие линии татуировки, но большая ее часть скрыта. Этот парень выглядит странно: не поймешь, то ли уличный хулиган, то ли кто-то из богемной тусовки. Вспоминаю свой утренний образ в зеркальной стене лифта и смотрю на него с презрением. У нас явно не может быть ничего общего.

Парень меж тем, прихрамывая, идет в мою сторону, и на его внезапно выразительном лице отражается вся гамма чувств, от удивления и негодования, до расстройства и жалости. Жалости ко мне? Ты ничего не перепутал, малыш? А ты, оказывается, высокомерная, Алиса…

— Постой, но ты же не хочешь туда идти. Все они не друзья тебе. Это не твоя жизнь Алиса, ты сама знаешь это лучше меня!

Глава 2

В квартире Тайлера («Алиса, ты, кажется, совсем съехала с катушек, меня зовут Тайлер, уж вспомни, пожалуйста!») не убрано настолько, что это бросается в глаза прямо с порога.

Коробки из-под пиццы и банки из-под газировки, грязная посуда в раковине и на столе. Одежда разбросана на диване и на креслах, постель в спальне небрежно накрыта одеялом, а по ковровому покрытию видно, что оно знавало лучшие времена. Книги громоздятся на полках стеллажей, на журнальном столике и даже на полу. А еще повсюду картины, десятки картин. Некоторые из них удостоились чести быть повешенными на стену, но пространство ограничено, а потому многие просто расставлены вдоль стен, и кое-где даже не в один ряд.

«Кажется, этот парень довольно депрессивен», — думаю я, разглядывая один из мрачных урбанистических пейзажей на стене рядом с окном.

Тайлер смотрит на меня, застывшую на пороге, прищурив один глаз и криво улыбаясь.

— А раньше тебя не смущал мой беспорядок.

В уме я в данный момент озадачена куда более важным вопросом, чем неряшливость Тайлера. Интересно, могу ли я доверять этому человеку настолько, чтобы признаться, что я ничего толком не помню?

Мой спутник меж тем гремит дверцами холодильника: «Хочешь воды? Пива?»

— Но сейчас 10 часов утра.

— Ладно, я понял!

Беру из его рук стакан с ледяной водой и прохожу вслед за ним в крошечную спальню. За полуоткрытым окном без штор — пожарная лестница. Тайлер распахивает окно, ловко закидывает ногу на подоконник и обернувшись протягивает мне руку: «Идем!»

Нет, я не полезу туда!

Возмущенным взглядом показываю ему на свой костюм и туфли и мотаю головой. Надеюсь, этого достаточно, чтобы он понял, что я не собираюсь совершать никаких акробатических трюков. Хотя, дайте угадаю, сейчас он скажет, что раньше я всегда с ним туда лази…

— Да что с тобой, черт возьми, Алиса! Я не узнаю тебя… сначала ты пытаешься сбежать от меня, потом не узнаешь мою квартиру. Майк что-то с тобой сделал? Только скажи и я…

— Эй, остынь! Со мной все в порядке. Я просто…

Тайлер, сидящий на железных ступенях пожарной лестницы снова настойчиво протягивает мне руку: «Иди сюда, здесь не так душно, как там, проклятая жара!»

Делаю несколько глотков ледяной воды, но как назло ни одна мысль, позволяющая объяснить Тайлеру, почему я не узнала его, не приходит мне в голову. Если только не сказать ему правду…

Присаживаюсь на угол кровати и машинально кручу браслет на запястье.

— Ты скажешь мне наконец, что с тобой? — этот художник очень несдержан и вспыльчив… Мне надо бы опасаться его, и не стоит, пожалуй, откровенничать с ним. Сейчас богатенький Майк кажется мне куда более безопасным…

Я смотрю в зеленые глаза Тайлера, но за непониманием и раздражением в них вижу беспокойство, беспокойство за меня. Глаза у него такого же оттенка, как вода в ручье ясным летним днем, когда палящее солнце своими лучами насквозь пронизывает ее, до самого дна. Мне кажется, что какие-то воспоминания мелькают у меня в голове: луг, ручей, деревья, склонившие свои ветви к воде? Да, я помню это место, я была там, но кто тот второй рядом со мной? Неужели этот странный художник?

Плевать, мне не решить эту задачу в одиночку: в этом путешествии без памяти мне нужен второй пилот, пусть им будет Тайлер. За его зеленые глаза. Или за его неподдельное волнение. Откидываюсь назад на постель, скидываю тесные туфли и расстегиваю пуговицы на пиджаке.

— Тайлер?

Он смотрит на меня непонимающим взглядом.

— Тайлер, мне кажется, я потеряла память. Я проснулась сегодня утром, и я … ничего не помню.

Выражение лица парня сменяется с непонимающего на взбешенное и прежде, чем я успеваю моргнуть, он бьет кулаком по железным перилам лестницы, но даже не морщится.

— Я так и знал! Тебе что-то подсыпали на этой презентации! Я никогда не одобрял этих ваших сборищ богатых и знаменитых! Там настоящий серпентарий! Там можно ждать ножа в спину от кого угодно, буквально от кого угодно! Алиса, сколько раз я предлагал тебе сбежать со мной! Подальше от этой работы, от твоих друзей, которые вовсе не друзья тебе!

Красноречивым взглядом окидываю окружающий интерьер. Хоть я ничего и не помню, но, по-моему, ответ, почему я не приняла его предложение, напрашивается сам собой.

Тайлер смотрит на меня, усмехаясь: «Ты полюбила меня не за это, Алиса».

Полюбила? Неужели там, на берегу ручья в моих воспоминаниях — он? Что-то внутри меня говорит, что это невозможно. Потому что… ну, просто невозможно. Но и Майк — не тот, кого любит та Алиса, которой я была до сегодняшнего утра. А кто я сегодня? Кто скажет мне это? Могу ли я все еще считать себя той, кем была вчера, если я не помню ничего из той жизни?

И самое главное, должна ли я попытаться вернуть вместе с воспоминаниями ту прежнюю Алису, или я могу позволить себе быть той, кем проснулась сегодня?

«Мне нужно побыть одной и подумать», — говорю я вслух, умоляюще глядя на Тайлера, надеясь, что он не выгонит меня, ведь мне некуда идти…

«Мне кажется, ты должна предупредить Мэдди, что заболела и сегодня не придешь на работу, — внезапно смягчается Тайлер, и я вдруг понимаю, что этот парень на сто процентов на моей стороне, что бы это ни значило, — а потом ложись и поспи, ты перенапряглась на работе в последние недели, не мудрено, что у тебя в голове помутилось».

К счастью, телефон загадочной Мэдди (видимо, она моя начальница?) сразу находится по ее имени в моей записной книге, и, написав ей вежливо-сдержанное сообщение о плохом самочувствии, я благодарно натягиваю огромную футболку, протянутую мне Тайлером, и залезаю под одеяло в маленькой захламленной спальне. Сон накрывает меня, стоит голове только коснуться подушки.

Глава 3

Просыпаюсь от оглушительно громкой музыки и в первые секунды совершенно не понимаю, где я. Затем взгляд натыкается на ржавую лестницу за окном, и память рывком возвращается ко мне. Пытаюсь нащупать телефон на прикроватной тумбочке, чтобы понять хотя бы, сколько сейчас времени, но нахожу лишь стакан с водой и таблетки в шуршащей упаковке. Подношу ближе к глазам — это от головной боли, то, что мне сейчас нужно, Тайлер очень предупредителен. Кладу в рот таблетку и запиваю большим глотком воды. С трудом поднимаюсь и открываю дверь в спальню.

Тайлер в гостиной. Откуда-то здесь возник мольберт (а может, он стоял здесь и раньше, только я не заметила), в руках у Тайлера палитра с красками, а на мольберте — картина. Парень так увлечен своим делом, что не слышит и не замечает меня, пока я не подхожу так близко, что почти дышу ему в плечо. Да и немудрено не услышать мои шаги: музыка из аудиоколонки просто оглушительна. Я не понимаю прелести всех этих заунывных рок-баллад, но Тайлер, судя по всему, большой их поклонник.

— У тебя не будет проблем с соседями?

Он протягивает свободную руку назад и обнимает меня за талию: «Нет, они давно съехали, у меня нет соседей. Забыл, что ты не помнишь, Алиса номер два». Он смеется, но я — нет. Алиса «номер один», если пользоваться терминологией Тайлера, так и не объявилась, сон мне не помог.

— Тайлер, мне нужно…домой? — я сама не уверена в своих словах.

— Да? И где же твой дом?

— Я думала… ты скажешь мне?

— Алиса, твой дом здесь, рядом со мной.

Он, похоже, даже спиной ощущает мое несогласие, рука отпускает меня, и Тайлер резко оборачивается. Раздраженно щелкает пультом, выключая музыку.

— Ладно. Это я хотел бы, чтобы твой дом был здесь… Но, к сожалению, это не так. Уже поздно, давай я отвезу тебя. Но только если ты уверена, что справишься, без меня. Иначе — лучше тебе будет остаться здесь … сегодня ночью, — чуть слышно договаривает он.

— Я справлюсь, — смотрю прямо в его зеленые глаза, не отводя взгляд, и пытаюсь вспомнить: «Ну хоть что-то, Алиса! Если ты любила его, ты вспомнишь!»

Нет, ничего.

Одеваюсь и умываюсь в крошечной холостяцкой ванной Тайлера, флегматично вспоминаю, что сегодня не ела примерно ничего… Ну и пусть.

А ну-ка. Интересная мысль вдруг приходит мне в голову. Это не более, чем забавная шутка, скорее всего, но мне хочется проверить хотя бы один факт. Мне хочется верить, что я хоть что-то решаю в этой незнакомой мне жизни.

— Тайлер, — кричу я, приоткрыв дверь, — ты не сваришь мне кофе?

— Не поздновато ли? — ворчит Тайлер, но я слышу его шаги по направлению к плите, и когда я, приведя себя в порядок, выхожу из ванной, Тайлер ставит передо мной на стол чашку с дымящимся черным кофе и отодвигает для меня стул.

— Спасибо!

Я очень хочу быть благодарной, и я правда благодарна. Но и этот кофе тоже с сахаром…

У Тайлера старая, видавшая виды машина, кузов местами начал ржаветь, а мотор ревет так, что теперь я снова опасаюсь за покой его соседей (кто-то же еще должен жить в этом доме?).

— Куда мы едем? Где я живу?

— Увидишь.

Он ведет машину спокойно и уверенно, не превышая скорость, не подрезая других водителей, но в то же время мгновенно реагируя и ускоряясь, когда нужно проскочить на мигающий зеленый…

— Ты рисуешь, Тай? Я просто, правда… ничего не помню.

— Да, вообще-то это мое хобби — писать картины, — он улыбается кривоватой улыбкой. — Иногда я даже участвую в выставках. Тебе изредка даже нравилось на них ходить… Собственно, мы с тобой и познакомились на такой выставке.

Чей-то телефон вдруг пронзительно звонит, и я вопросительно поднимаю брови, но мой спутник чуть кивает головой в мою сторону: «Это твой, ответь».

Мои брови поднимаются еще выше, когда я вижу, что звонит Майк. Я, кажется, забыла о его существовании во второй раз, и не могу сдержать нервного смешка, так что Тайлер удивленно поворачивает голову в мою сторону.

— Алло?

— Алиса! Где ты? Я дома, но тебя здесь нет!

— Майк, прости, что не предупредила, со мной все в порядке. Я сегодня переночую ммм…у себя.

Слышу, как Майк обиженно сопит в трубку, но сдерживается, хотя обида в его следующих словах все-таки слышна.

— Ладно, похоже ты снова плевать хотела на меня и мои чувства! Ну да мне не привыкать. Позвони мне завтра.

— Хорошо, я позвоню, прости, Майк!

— Люблю тебя, пока, — говорит Майк, продолжая обижаться.

— Пока…

Майк явно ждет продолжения.

… и я тебя... — вопросительно смотрю на своего спутника, но тот делает вид, что сосредоточен на дороге. Вешаю трубку.

«Не переживай, Алиса номер два, — говорит Тайлер насмешливо. — Завтра он сам позвонит тебе раньше, чем ты успеешь почистить зубы. Я наблюдаю за вашими отношениями не первый год».

Не первый год? Э, да ты не так проста, Алиса номер один. Годами ведешь двойную жизнь? Но для чего? И Тайлера устраивает его роль второго плана? А Майка? Ведь даже если он не знает доподлинно, то наверняка о чем-то догадывается. Алиса, думай, ты должна решить эту задачу. Для чего тебе все это? Майк богат, это очевидно. Неужели, это все из-за де…

«Да, ты плохая девочка, — говорит Тайлер, верно истолковав мое ошеломленное молчание. — Или это уже не ты, не моя прежняя Алиса?»

«Я и раньше не была твоей, судя по всему», — подавленно думаю я, отвернувшись к окну.

А почему я вдруг решила, что это Тайлер, или Майк — на вторых ролях? А что, если это я, я играю второстепенную роль в этом треугольнике? Пожалуй, нужно в этом разобраться…

Тем временем, городские многоэтажные дома сменяются окраиной с небольшими частными домиками. Мы сворачиваем с трассы на неширокую улицу, слабо освещенную несколькими фонарями, и медленно и неуверенно продвигаемся по ней.

— Я не повезу тебя к самому дому, иначе мы перебудим всех соседей, высажу тебя здесь. Напиши мне, когда дойдешь, тут осталось метров двести, дом номер 135, красный, слева от тебя, надеюсь, не ошибешься.

Молча смотрю на Тайлера, вытаращив глаза от удивления.

— Да я тут ноги себе переломаю на этих каблуках, — говорю, глядя на грунтовую дорогу в свете фар перед нами.

Мой спутник вздыхает и пожимает плечами, давая понять, что в борьбе с обувью он бессилен.

— Ладно, черт с этими каблуками, видимо я раньше уже не раз тут ходила, не правда ли? Спокойной ночи, Тайлер!

Он тянется, чтобы поцеловать меня, но я злюсь и делаю вид, что не замечаю его порыва. Злюсь на него за то, что вынуждена идти эти двести метров по неровной дороге, и на себя прошлую, которая исчезла, оставив мне только загадки и намеки о прежней жизни.

Туфли жмут, серьги оттягивают уши, действие таблеток от головной боли закончилось, а еще оказывается, что я живу в каком-то захолустье на окраине города. И еще неизвестно, не окажется ли мой дом хуже, чем квартира Тайлера.

— Напиши мне, когда дойдешь, — тихо говорит Тайлер вслед захлопнувшейся за мной двери машины.

Глава 4

Свет в соседних домах не горит, и я опасливо иду по дороге, ища взглядом табличку с номером 135 и одновременно пытаясь не переломать себе ноги, наступив в одну из ям.

Ну вот же и он, мой дом. Маленький и аккуратный одноэтажный домик, огороженный забором из железных прутьев не выше моего роста. «А ты смелая, Алиса», — думаю я, просовывая руку сквозь прутья и легко открывая щеколду изнутри.

Отсюда мне почти уже не слышен шум мотора машины Тайлера, и я ускоряю шаг, светя себе под ноги фонариком на телефоне.

Где-то должен быть ключ, роюсь в сумке и, ура, нахожу его. Открываю дверь и отчаянно чертыхаюсь в темноте, наощупь ища выключатель, ну вот он наконец: включаю свет.

Да, кругом бардак – и это факт. Оказывается, я не аккуратней Тайлера, и это печально. А с другой стороны, не все ли мне равно? Я наконец-то могу снять осточертевшие украшения и скинуть неудобные туфли. Хорошо, что здесь только один этаж и всего несколько комнат: где спальня, я угадываю с первого раза. Не включая свет, раздеваюсь и падаю на постель. Мне кажется, в той моей жизни я катастрофически не высыпалась, пора восполнить этот пробел.

Утро встречает меня угрюмым серым небом. Я без особого интереса смотрю на соседский дом: там явно есть дети, судя по веревочным качелям и горке. Тут и там на газоне беспорядочно валяются детские игрушки…

Шея и спина затекли, похоже, я всю ночь не шевелилась. Поднимаюсь с трудом, по частям, как шарнирный робот, тащусь искать ванную и кухню. Дом Алисы никогда не слышал про уют. Странное смешение стилей, недорогая разномастная мебель. «Это не волновало тебя раньше, так почему волнует сейчас?» — спрашиваю себя мысленно. На комоде на кухне несколько фото в простых рамках. Пожилая женщина и маленькая девочка, в которой я узнаю детскую версию себя той, что видела вчера в зеркале у Майка. «Наверно, это моя бабушка? Ну, а кто еще?», — думаю я, засыпая кофе в кофеварку.

Часы на стене показывают 7.20. Интересно, во сколько я должна быть на работе? С удовольствием допиваю горький кофе и иду искать свою сумку, в ней должен быть телефон. Да вот же она, вчера я так и бросила ее на пуфик у двери. Роюсь внутри, но прежде, чем найти телефон, нащупываю что-то холодное и металлическое. Достаю из сумки небольшой предмет и поднимаю руку с ним к самым глазам. Кажется, как будто это вовсе не моя рука. И уж точно не мой револьвер в ней…

Оказывается, я тоже вожу машину. Хотя, странно было б, если это было не так, потому что как бы я добиралась каждый день с этой окраины в офис почти в центре города?

Сегодня мне предстоит познакомиться с Мэдди. Интересно, какой она окажется? Тайлер считает, что там, в офисе, у меня нет друзей. Видимо, это означает, что в общепринятом смысле мы как раз дружим с коллегами, только эта дружба почему-то перестала устраивать прежнюю Алису. Что ж, проверим.

Из содержимого своей сумки в виде визитки, электронной карты-пропуска и ежедневника «той» Алисы я теперь знаю, что работаю помощником ведущего редактора в крупном издательстве Люкс Паблишинг. В портфеле у Люкса немало успешных и знаменитых авторов. Деньги, как я полагаю, льются рекой, что подтверждает и шикарный офис, расположенный на тридцатом этаже. Выше – только ресторан с панорамным видом на город и обзорная площадка.

Сегодня я уже почти не теряюсь в роскошном холле с мозаичным полом и уверенно направляюсь к турникетам, через которые сотрудники попадают внутрь бизнес-центра. Пока лифт поднимает меня вместе с несколькими мужчинами и женщинами на тридцатый этаж, я удовлетворенно разглядываю себя в зеркале: у «той» Алисы потрясающий деловой стиль, не

в пример ее безобразному дому. В ее шкафу я нашла столько подходящих образов, что даже сомневалась, какой из них выбрать.

Кабинет с табличкой на двери: «Мэделин Грин, главный редактор». Вот, значит, кто она, эта Мэдди.

Делаю глубокий вдох и легонько стучу.

— Войдите! — раздается из-за двери.

Я открываю дверь, и вхожу. А вот и ты, Мэделин!

Моя начальница ослепительно красива. Вспоминаю свое отражение в зеркале и чувствую себя невзрачной серой мышью. В Мэделин прекрасно все, начиная с длинных светлых волос, аккуратного носика и идеальных губ, и заканчивая непоколебимой уверенностью, которую она излучает.

Мэделин встает мне навстречу из-за стола, миниатюрная настолько, что рядом с ней я чувствую себя очень высокой, хотя это не так, я — среднего роста. Подходит ко мне спокойно и уверенно — сразу чувствуется, что она привыкла управлять людьми и не привыкла к отказам. Ее слово — закон, во всяком случае, в стенах этого издательства.

— Алиса! Ну наконец-то! Я так волновалась!

Она обнимает меня, как мне кажется, искренне.

— Как ты себя чувствуешь? Что с тобой случилось в воскресенье, куда ты, черт возьми, подевалась? Мы с Мэттом думали уже начать обзванивать больницы, хорошо, что Майк позвонил мне и сказал, что ты у него.

Я стараюсь дышать ровнее, чтобы не выдать свое волнение. Могу ли я быть откровенна с Мэделин? У меня пара секунд на решение, и я решаю быть наполовину честной.

—Я… я как-то плохо себя почувствовала в воскресенье… Честно говоря, плохо помню тот вечер. Но мне уже намного лучше! — заканчиваю почти уверенно.

В глазах Мэделин я читаю, что это полный провал.

— Не помнишь? Так где же ты была? Ты видела его?

Я молчу. Я не знаю, кого я должна была увидеть?

На мое счастье, звонит телефон на столе, и моя собеседница моментально превращается в еще более железную леди, лишь стоит ей снять трубку. Какой-то рабочий вопрос. У меня есть минута выдохнуть.

Мэделин быстро заканчивает разговор: всего несколько коротких отрывистых фраз — он явно расстроил ее, и, возвращая на место трубку, рассеянно потирает переносицу. Переводит взгляд на меня. Я по-прежнему стою рядом с ее столом.

— Да сядь ты уже. В любом случае наш план сорвался, придется продумывать все заново. Черт, ты все испортила! Теперь придется ждать новой возможности, а это лишняя трата времени.

Короткий быстрый стук в дверь, и почти сразу она приоткрывается. Тот, кто может позволить себе так войти в кабинет главного редактора — непростой человек.

«Ах, Мэтт, это ты, входи», — говорит Мэделин, моментально меняясь в лице и лучезарно улыбаясь.

Глава 5

Тот, кого зовут Мэттом, заходит уверенно — чувствуется, что он здесь как у себя дома и никакие приглашения ему, в сущности, не нужны.

На нем дорогой костюм, безупречно сидящий на его подтянутой фигуре. Видно, что ты занимаешься спортом, Мэтью, и явно не пропускаешь тренировок. Мэтт улыбается нам с Мэделин, в руках у него картонная подставка, на какие в кофейнях ставят стаканы с кофе навынос.

— Доброе утро, Мэделин, доброе утро, Алиса, как твое самочувствие? Я слышал, вчера тебе нездоровилось? А я вот тут принес вам кофе!

Голос у Мэтта — то, что надо, я ловлю себя на том, что перестала моргать и, кажется, даже задержала дыхание.

— Спасибо, Мэтью, сегодня мне намного лучше, я бодра и готова вернуться к работе, — храбро говорю я вслух.

— Ну и отлично, — Мэтт ставит наши стаканы перед нами на стол: на них написаны наши имена, как это мило! — Вчера ты заставила нас с Мэдди прилично поволноваться, когда внезапно не приехала в издательство.

Я молчу, потому что боюсь выдать себя, начав оправдываться. Я еще не успела разобраться, что за штучка эта Мэделин Грин, а уж ты, неизвестный мне обаятельный Мэтт, вызываешь у меня не меньше подозрений!

— Мы как раз с Алисой собирались обсудить концепцию серии книг нового жанра, которой я планирую расширить ассортимент нашего издательства. Алиса пропустила вчерашнее общее совещание, Стелла сегодня занята, и я решила немного ввести Алису в курс дела, не так ли?

Я усиленно киваю, чувствуя желание провалиться сквозь землю, лишь бы только не поддерживать этот непонятный мне разговор о сериях и ассортименте.

— Я не разбираюсь в ваших концепциях, девочки, мое дело — продажи, и только они, — улыбается Мэтт, — хорошего дня, Мэделин! Алиса! — он слегка кивает мне и поворачивается, чтобы выйти из кабинета, в то время как я не могу оторвать взгляд от того, как натягивается пиджак на его широких плечах. А также не могу поверить в тот факт, что именно Мэтт первым в моей новой жизни принес мне совершенно не сладкий кофе.

— Хорош он, да? — задумчиво говорит Мэделин, проследившая за направлением моего взгляда. — Такие, как Мэтт, идеальны с самого рождения, ну, да ты ведь тоже знаешь его со школы, о чем я тебе рассказываю.

«Знаешь его со школы» — эта фраза поднимает во мне какой-то пласт не совсем приятных чувств. Словно бы горькое послевкусие.

Но Мэдди на сегодня явно закончила с обсуждением нерабочих вопросов, а кто я такая, чтобы спорить, и в следующие полчаса я внимательно слушаю о своих задачах в Люкс Паблишинг на ближайшие недели в связи с новой серией книг, которую мы собираемся подготовить к печати.

Я всего лишь помощник выпускающего редактора, а потому мой стол — в небольшой приемной перед кабинетом моей начальницы Стеллы. Мэделин ненавязчиво провожает меня до самой приемной, как будто боится, что я снова исчезну.

После короткого разговора, в котором Стелла выражает надежду на то, что мое самочувствие значительно улучшилось, а в особенности на то, что Мэделин уже успела рассказать мне о моих рабочих задачах на ближайший месяц, я понимаю, что со стороны моего непосредственного руководителя проблем у меня не будет, да и вряд ли они были раньше. Видимо, элегантные деловые костюмы и туфли, которые я ношу ежедневно, перекрывают процентов семьдесят моих рабочих обязанностей.

Включаю компьютер, и пока он шумит, загружаясь, по очереди открываю ящики своего стола: интересно узнать, чем жила та Алиса? Тем более, что я ведь почти она.

По прошествии десяти минут становится ясно, что Алиса номер один питала большую симпатию к дорогой косметике и шоколаду. Планинг из первого ящика — полупустой, рабочие задачи, я бы даже сказала «задачки», судя по их объему, перемежаются в нем с многочисленными узорами, поражающими своей замысловатостью — та Алиса явно частенько скучала на совещаниях.

Третий ящик не поддается моим усилиям и, приглядевшись, я понимаю, что его не заклинило, а он закрыт на ключ.

«Закрыт на ключ, ключ брошен в реку, — думаю я, — в реку или в ручей? Интересно, а у Мэтта зеленые глаза, я что-то не разглядела? Судя по тому, как они со змеей Мэделин смотрели друг на друга сегодня утром, они — не просто друзья. Стоп, но почему же тогда кофе без сахара? Да что ты возомнила о себе Алиса, почему твой коллега по работе не может знать, какой кофе ты любишь? Что в этом собственно такого? Он понравился тебе с первого взгляда, и не увиливай, пожалуйста! Именно поэтому ты сейчас притянешь любые причины, чтобы нафантазировать себе, что … это он тот самый таинственный парень из прошлого, с берега ру…»

— Алиса! Мы с Мэттом идем обедать в наше кафе, ты пойдешь с нами? — Мэдди просовывается в дверь, а я морщусь и потираю руку, которой от неожиданности ударилась о столешницу. Мне бы, конечно, лучше не ходить с ними… Не разжигать свои фантазии насчет Мэтта. Наверняка вне офиса Мэделин зовет его «Мэтти», фу, какая пошлость! Но с другой-то стороны, должна же я узнать побольше об Алисе номер один? А кто как не ее друзья смогут помочь мне в этом?

«Все они не друзья тебе!», — эхом отдается у меня в ушах голос Тайлера. «Иди к черту, Тайлер, — мысленно отвечаю ему я. — Уж как-нибудь я и сама разберусь».

Глава 6

Сложный день близится к вечеру. Я слышу хлопанье дверей и шаги по коридору — сотрудники издательства, кому не нужно сегодня задержаться и поработать сверхурочно, явно спешат к своим семьям, друзьям, накрытому столу и вкусному ужину.

А может быть, к хоккейному матчу по телевизору, или рыбалке, или компьютерным играм, или… Или к своим картинам, как Тайлер. Или проверить, придет ли сегодня его девушка ночевать к нему, как Майк… Мне некуда идти. Там, где меня ждут, мне не хочется быть, а там, где я хотела бы быть — меня не ждут.

Стелла упорхнула еще пол часа назад: новые концепции Мэдди по увеличению прибыли Люкс Паблишинг и новая серия книг ее явно волнуют не больше, чем меня.

Я угрюмо сижу за столом, отковыривая лак с одного из ногтей — по-детски, согласна, но хотя бы отвлекает меня от необходимости определиться, чем заняться сегодня вечером.

Почему-то мне кажется, что мое время, как Алисы номер два, не бесконечно. Я не могу позволить себе вот так просто сидеть без дела, не пытаясь разгадать все неизвестное, что предстало передо мной в эти два дня. Третий ящик стола не поддается шпильке, которую я нашла в своей сумочке. Что ж, придется поискать ключ.

Мои мысли прерывает такой знакомый короткий стук в дверь, я поднимаю голову и невольно расплываюсь в улыбке: как хорошо, что ты пришел, Мэтт!

— Алиса? Не думал, что ты еще здесь. Видел, как Стелла ускользнула из офиса. Мэдди пару часов назад уехала на важную встречу, это весьма хмм… расслабляет сотрудников. Не все они знают, что за ними есть кому приглядеть и без Мэделин Грин, — продолжает он негромко.

А затем он поворачивает круглую ручку замка на двери, подходит ко мне, вытягивает меня из-за стола и … это был самый, самый лучший поцелуй в моей жизни, не-за-бы-ва-е-мо!

«Мэдди сказала мне, что у тебя как-то плохо с памятью в последнее время, — говорит он, отстранившись, — но, надеюсь, о нас-то ты не забыла?»

Чуть не закашлявшись от неожиданности, я слегка отодвигаюсь от Мэтта. О каких еще «нас»? Да что тут творится? Мэделин и Мэтт и… Мэтт и я? И Мэделин ничего не знает? Ну Алиса, ты…

— Мэделин сегодня допоздна на встрече, поужинаем? — спрашивает Мэтт, непринужденно присаживаясь на край моего стола.

По нему видно, что он немного растерян. Неужели заметил, что я не та Алиса?

— Поужинаем как обычно? — спрашиваю я в тон ему, не моргнув глазом: нужно как-то снять его подозрения, а еще мне нужны хоть какие-то подсказки.

— Ну да, в «Аркадии», жду тебя в машине у входа через 20 минут, не опаздывай, ты знаешь, что парковаться там нельзя и мне придется нарушить. — Мэтт подмигивает мне и легонько проведя рукой по моей руке, уходит.

Мысли скачут в моей голове, как встревоженные белки: «Срочно беги в туалет и приведи себя в порядок, поправь макияж, в шкафу у тебя сегодня с утра я видела несколько запасных блузок, переоденься! Это же Мэтт! Алиса, он почти женат, куда ты черт побери лезешь? Остановись пока не поздно! Ты ведешь себя подло, да и Мэтт не лучше. Ой, Алиса, ну ты же видела эту Мэделин. Стерва, каких поискать! О, интересно, а я тоже называю его Мэтти?»

«Аркадия» находится в получасе езды от офиса издательства, небольшой итальянский ресторанчик с претензией. Мы с Мэттом явно старательно скрываемся от Мэделин. Но здесь нас знают. Может быть, не по именам, но знают, как пару.

Услужливый официант приносит бутылку вина и, показав Мэтту этикетку, разливает его по бокалам.

Делаю глоток и смотрю куда-то между глаз своего спутника. Я смущена и не знаю, о чем мне говорить, чтобы не выдать себя. Тайлер знает, что я — это уже не я, и этого, пожалуй, достаточно.

— Торопишься куда-то? — спрашивает мой спутник, протягивая свой бокал к моему, — ну, за нас!

— За нас, — эхом повторяю я.

«Но это ведь не обычный ужин, — говорю я себе. — Давай, Мэтти, рассказывай, что ты хочешь узнать у меня? Ты ведь все равно расскажешь, я подожду!»

Мэтт, меж тем, как будто и не собирается меня ни о чем расспрашивать. Нам приносят заказ, и он ест молча и с аппетитом, иногда поглядывая на меня, иногда окидывая снисходительным взглядом других посетителей ресторана.

Сила, уверенность, взгляд свысока на окружающих — таков ты, Мэтью Коллинз. Я небрежно ковыряю свой салат, но внутри я в полном смятении. Я не знаю этого человека, но почему-то сильно к нему привязана, это словно приворот. Как будто дома у него хранится моя кукла вуду с воткнутой в сердце иглой. Я одновременно необъяснимо боюсь его и чувствую притяжение.

И еще я знаю, что мы знакомы очень давно. Возможно, мы уже много лет вот так встречаемся по вечерам в этом ресторане. Из последних сил я пытаюсь изобразить независимый и непринужденный вид, но, кажется, у меня плохо получается. После Майка, от которого можно безнаказанно отмахнуться как от надоедливой мухи, и Тайлера с его заботой обо мне, я почему-то пребывала в иллюзиях, что и Мэтт будет слушать меня и делать то, что мне нужно. Ха-ха, какая самонадеянность. В отношениях с Мэттом это ты делаешь то, что он скажет, а не наоборот. И похоже, Мэтт мне не по зубам.

Я думала, та Алиса просто была влюблена в парня своей подруги, но, кажется, здесь кроется что-то посложнее и куда менее приятное. И Мэтт вовсе не тот утренний милашка из офиса, который «девочки-я-вот-тут-принес-вам-кофе». Цена кофе, который приносит тебе Мэтью Коллинз, очень высока. Черт, Алиса, как ты умудрилась всего по нескольким фразам и взглядам наделать столько поспешных выводов о человеке? Не дури, дай ему шанс, верь в хорошее!

— Алиса? — Мэтт протягивает ко мне руку через стол и накрывает ей мою. — Скажи мне честно, что с тобой происходит? Мне нужно начинать тревожиться за нас?

За нас?! Чуть не подавившись, я роняю вилку. Да, конечно, Мэтти, начинай беспокоиться за нас, потому что я прямо сейчас пойду и сдам тебя со всеми потрохами твоей Мэделин. … Хорошо, что я все-таки не потеряла разум настолько, чтобы произнести это вслух.

«Не сдашь, — словно говорит его равнодушный взгляд. — Ты ее подруга, как ты объяснишь ей *свое* поведение?»

Нет, плохое предчувствие меня не обмануло.

Я чувствую, как кто-то там, далеко, втыкает моей кукле вуду иглу еще глубже в сердце и проворачивает добрых три раза. Похоже, ты влипла, Алиса. И даже если Мэтт уже не кажется тебе таким привлекательным, как сегодня утром, ты все равно не сможешь бросить его, пока он сам не отпустит тебя. А уж он, похоже, отпускать не собирается.

— Ты прекрасно знала с самого начала, Алиса, что ты всегда будешь на втором месте, после Мэделин. Ты знаешь, как я дорожу отношениями с ней. И ты также знаешь, что в нашей с тобой паре это ты — та, кто любит больше. Я не знаю, что, черт побери, с тобой происходит, но если хоть…

К этому моменту Мэтт в запальчивости говорит уже довольно громко, и люди за соседними столиками начинают оглядываться на нас. Мой спутник мгновенно сбавляет тон, но от этого его слова не перестают звучать как жидкий металл, который медленно заливают тебе в уши.

— Если ты вдруг надумаешь сказать хоть слово о нас с тобой Мэделин, то я просто хочу предупредить тебя, что я не остановлюсь ни перед чем, чтобы бы заставить тебя замолчать. Ты знаешь, что Мэтью Коллинз всегда держит свое слово и лучше не злить его, если не хочешь печальных последствий. Очнись, Алиса! Встряхни свою чертову память! Вспомни, кто я и что я могу сделать с тобой, ты знаешь, на что я способен, если меня разозлить. В твоих же интересах перестать быть выжившей из ума и осознать наконец действительность!

— Нет, ну что ты, Мэтт, — говорю я с наигранным спокойствием, — мне просто нездоровится, пожалуй, мне лучше пораньше лечь спать сегодня. Эти дни были … очень перенасыщены событиями.

Мой спутник подчеркнуто вежлив и не повышает голос ни на пол тона, но от его взгляда и слов мне кажется, будто он сейчас залепил мне пощечину.

— Не ври мне, Алиса. Мы слишком давно знакомы: я всегда вижу, когда ты пытаешься обмануть меня. Ты пропала в воскресенье, а сегодня утром в офисе ты улыбалась, как ненормальная, которая плохо понимает, кто она и где находится, и впервые видит окружающих ее людей. Но если вдруг ты хоть на секунду позволила себе подумать, что сможешь что-то изменить, расплата будет ждать тебя в любом случае, вне зависимости от того, что там ты помнишь или нет! И, я не привык повторять по два раза.

Ну все! Сердце проваливается в желудок. Нужно бежать, как угодно, любой ценой! Мне кажется, я начала понимать характер наших отношений с этим человеком, который считает себя властелином мира и, видимо, не совсем уж без оснований.

— Я на минутку отойду, мне правда нехорошо, — у меня, похоже, такое лицо, как будто меня сейчас стошнит, или я упаду в обморок, или и то, и другое по очереди, так что даже Мэтт не решается спорить со мной. Прихватываю сумочку, услужливый официант указывает мне направление к туалету, куда я поспешно направляюсь.

Черт, только бы Мэтти не догадался поджидать меня под дверью, иначе придется вылезать в окно, как в дешевых фильмах ужасов. Закрывшись в кабинке, я достаю телефон и хладнокровно вызываю такси. Спасибо, Мэтти. Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что у нас за отношения, и мне они не понравились. И, да, я тоже называю тебя «Мэтти», вот ведь.

К счастью, либо Мэтту наплевать на меня, либо он не ожидает такого бегства. Или просто знает, что оно ничего не изменит. Но за дверью туалета меня никто не ждет, и я беспрепятственно выскальзываю из ресторана и сажусь в подъехавшее такси.

Глава 7

Иди ты к черту! — думаю я, на ходу срывая с себя одежду и бросая ее на пол. Швыряю ни в чем не повинную сумочку, выдергиваю из ушей серьги и бросаю их на тумбу под зеркалом.

Прохожу в ванную, открываю кран и закрываю заглушкой сливное отверстие. После этой встречи я хочу смыть с себя грязь. Да я бы, наверное, сейчас и кожу с себя сняла, лишь бы избавиться от воспоминаний о том, как он смотрел на меня. Как на свою собственность. Как на безвольную куклу. Как на игрушку, которую может сломать в любой момент. «Сопротивление бесполезно, милая, ты будешь делать так, как я скажу тебе, а иначе…»

— Тьфу, зачем ты вообще пошла на этот ужин!

— Остынь, я пошла туда, чтобы не вызывать подозрений!

— Подозрений? Да он и так уже что-то подозревал, а этим ужином ты только подогрела его настороженность. Какая же ты глупая, Алиса! Ты должна была придумать причину, сказать, что тебе нездоровится, да все что угодно, черт тебя побери, но не ходить туда. Господи, ну и подонок этот Мэтт.

— А ты? Кто ты сама в таком случае? Ругаешь его, чтобы не признаваться себе самой, кем ты была! И тебе не смыть это с себя ни за три часа, ни за три года!

— Остановись, успокойся, обдумай все!

— Я ничего не хочу обдумывать! Я всех их ненавижу. И Мэтта, и Мэделин, и Майка и … себя… тебя, Алиса!

Прервав внутренний диалог, я погружаюсь под воду с головой и задерживаю дыхание. Интересно, сколько я смогу продержаться? Открываю глаза и смотрю сквозь толщу воды на подсветку на потолке.

Ох, кто это звонит в дверь так поздно? Надеюсь, это не Мэтт приехал за мной, чтобы выяснить отношения: «Я еще не закончил, Алис…» Ну уж нет, пожалуйста, только не это!

Выбираюсь из ванны, накидываю халат, всовываю мокрые ноги в тапочки (ходить босиком в моем доме явно не стоит) и бегу к двери. Бросаю беглый взгляд на приоткрытый ящик тумбы, где этим утром я так беспечно оставила револьвер. Он — на месте, поспешно задвигаю ящик и смотрю в глазок. Но за дверью никого нет.

Стою, прижавшись к двери, но за ней — тишина. Проходит пара мучительных минут и я, накинув цепочку, решаюсь выглянуть наружу. Ночные мотыльки кружат в свете фонаря на крыльце, но в остальном — кругом спокойно. Ни звука, ни шороха.

Осмелев, открываю дверь, собираясь выйти, и чуть не наступаю на белый бумажный конверт. Вот это да, кто это принес мне письмо так поздно? Поднимаю и открываю незаклеенный конверт. Внутри короткая записка размашистым почерком: «Мне очень нужна твоя помощь, я не знаю, что делать. Кажется, у меня настоящие неприятности. Пожалуйста, приезжай. Е.»

Почему-то какой-то частью себя я сразу понимаю, кто такая эта «Е.», а также и то, что я не могу не приехать к ней.

Завернувшись в полотенце и накрывшись одеялом, с трудом забываюсь беспокойным сном. Меня колотит озноб, хотя за окном жаркий июль. Позже ночью мне снится берег ручья. За деревьями на том берегу скрываются какие-то темные фигуры, я знаю, что рано или поздно они придут за мной, этого не избежать. Просыпаюсь в холодном поту: равнодушная луна заглядывает в незашторенное окно, ей явно все равно на то, что может меня ждать.

У Елены — комната примерной девочки. Примерной, но избалованной. Дорогая мебель, гаджеты последних моделей, высоченный потолок и огромные окна — много света и воздуха. Кровать с пологом — полупрозрачные белые занавеси колышет ветерок кондиционера, словно мы не в центре раскаленного от жары мегаполиса, а где-то на вилле на берегу моря.

Елена просовывает голову в коридор, прислушиваясь, и потом плотно закрывает за мной дверь. Она в шелковом халате-кимоно: небрежно взмахивает своей изящной ручкой, указывая мне в сторону кресла, а сама отходит к окну и застывает там, подложив сложенные в замок ладони под подбородок — при взгляде на нее на ум невольно приходит образ птицы, запертой в золотой клетке. В этом городе только у бедняков нет кондиционеров, и лишь у них в эту жару открыты окна. В квартире родителей Елены не найти ни единого открытого окна.

— Что случилось? — я стараюсь добавить в свой тон побольше участия. Из глубин затуманенной памяти ко мне, словно рыбы из пучин океана, иногда выплывают разрозненные неясные воспоминания. Скорее даже не что-то оформленное, а так, размытые впечатления от прошлых событий. И они говорят мне, что Елена — мой искренний друг, почти как младшая сестра. Новая Алиса не должна обидеть ее равнодушием.

Елена резко поворачивает ко мне лицо, и я вижу, что она плачет, слезы текут по щекам и капают на шелк халата, оставляя на нем темные пятнышки.

— Алиса, я … не знаю, что мне делать! Я люблю его!

— Но это ведь прекрасно, почему же ты плачешь? И кто он?

— Ох, ты не понимаешь! Его зовут Роб. Я не буду вслух произносить его фамилию в доме моих родителей. Его и моя семьи — это как … знаешь Монтекки и Капулетти?

Мне очень хочется съязвить и попросить Елену пояснить мне, кто же это такие, но я мысленно грубо бью себя по рукам.

— Да, кажется, я понимаю, о чем ты говоришь. Враждующие кланы? Но как же тебя угораздило? Неужели ты не знала, кто такой этот твой … Роб и из какой он семьи?

— Нет, в том-то и дело, что я не знала! Он долго жил в другой стране, учился там, его фотографии давно не появлялись ни в каких … масс-медиа. Я знала, как выглядит Роб-подросток, но не знала, как выглядит взрослый Роб.

— И как же?

Мысленно снова бью себя по рукам, но вопрос уже сорвался с моих губ.

— О, он прекрасен, Алиса! Он настоящий красавчик, но не это ведь главное! Он очень умный, добрый, всегда умеет развеселить меня, а однажды даже…

Елена осекается, вспомнив то, из-за чего она позвала меня.

— Но это все не имеет совершенно никакого значения, Алиса! Папа никогда не позволит мне быть вместе с… Ах, почему, почему? Сколько раз я задавала себе этот вопрос.

— Ты недавно узнала о том, кто он?

— Да, я узнала вчера… А Роб сказал, что он сразу знал, кто я такая, и что наши семьи не дружат. Но он не мог не подойти ко мне, когда увидел! И ему все равно, что подумают другие. Все равно на его отца и … моего…

— Но тебе-то, как я вижу, не все равно?

Елена присаживается на край постели: медленно, как будто все силы в один момент покинули ее. Грустно смотрит куда-то в пол.

— Конечно, нет, Алиса. Если кто-то вдруг узнает о нас, будет грандиозный скандал! Я не могу так подвести папу… и маму, да всю нашу семью.

— Давай попробуем мыслить логично. Кто-то из знакомых мог видеть вас вместе, тебя и Роба?

Произношу эти слова и понимаю, что семьи этих влюбленных настолько публичны, что и незнакомец, случайно видевший их, может вынести сплетню на всеобщее обозрение. Тут и знакомых не нужно.

— Нет, Алиса, нет, что ты, нас точно никто не видел! Мы не встречаемся в людных местах, никогда! Но я прекрасно понимаю, что так не может продолжаться вечно. И, рано или поздно, правда выплывет наружу, и все узнают о нас. Я не знаю, что делать, Алиса…

«Ты не по адресу, Елена, — угрюмо думаю я про себя. — Спрашивать у меня совета о каких бы то ни было отношениях — просто абсурд. Насколько я успела узнать себя, я умею лишь использовать тех, кто позволяет мне это, да быть использованной тем, кто сильнее… Ни о какой любви здесь не идет и речи. А как можно давать советы в том, о чем не имеешь ни малейшего представления?»

— Давай я задам тебе главный вопрос? Только, пожалуйста, будь честной, это важно.

Елена вопросительно и с надеждой смотрит на меня. Видимо, я и раньше давала ей советы, и они, похоже, даже помогали. Хотя, мне страшно подумать, какие там советы я могла давать… Прошлая я.

— Ты готова расстаться с этим Робом? Вот прямо сейчас, окончательно и бесповоротно? Ведь ты же понимаешь, что никакого будущего у ваших отношений нет и не будет.

Елена смотрит на меня, как на умалишенную, а в ее голосе появляется неожиданная твердость.

— Что ты, Алиса! Конечно, нет! Я люблю его, а он любит меня! Я ни за что не предам наши чувства…

— Ну, вот и ответ на твой вопрос.

— Но это ведь не ответ на вопрос «что мне делать?»

— Нет, это именно ответ. Раз ты точно уверена, что любишь его и это того стоит, а ты уверена, значит, будьте вместе. Легко не будет, но, в итоге все наладится, вот увидишь. Так или иначе. Просто нужно время. Никому не говорите пока о ваших отношениях, а ответ, что делать постепенно придет сам.

Я протягиваю руку и приобнимаю Елену за плечи. Я не уверена, что она поняла, что именно я хотела ей сказать. В значимые моменты я страдаю неимоверным косноязычием, но ничего не могу с собой поделать. Да и как убедительно объяснить напуганному и растерянному человеку, что самое первое и главное, что ему нужно сделать — это успокоиться и постараться мыслить разумно? А потом всего лишь быть честным с самим собой.

«Какая ты умная, — саркастически говорит внутренний голос. — Вот бы еще и в своей собственной жизни быть такой, правда?»

Глава 8

Мы с Еленой живем далеко друг от друга. Она — в центре в шикарной квартире своих родителей, а я… ну, вы понимаете. Поэтому мы встречаемся уже на месте, у входа в клуб, так удобнее.

На мне мои самые рваные голубые джинсы, любимая майка и короткая потертая кожаная куртка. Мне кажется, той Алисе, которой я проснулась тогда в квартире Майка, эта одежда ближе всего по духу. В ушах у меня огромные серьги-кольца, а волосы собраны в высокий хвост. Я обожаю рок-концерты — это тебе не скучный офис.

Глаза Елены лихорадочно блестят. Не знаю, что она замышляет, но мне бы, честно говоря, со своей жизнью разобраться, поэтому, пожалуйста, пусть это будет просто наш совместный вечер.

— Повеселимся! — говорит она, решительно беря меня за руку и увлекая за собой ко входу.

— Мы с Робом никогда не встречаемся в людных местах, — передразниваю я подругу.

— А мы и не будем встречаться с ним! — смеется Елена. — Если только взглядом в толпе.

Я не одобряю ее легкомысленности, но кто я в конце концов такая, чтобы судить? Глаза Елены взволнованно блестят, и вся она буквально светится от счастья.

У нас недорогие билеты на танцпол, Елене и Робу по понятным причинам лучше сильно не выделяться, сидя в вип-ложе, да и мне самой не знаю, почему, хочется побыть в толпе. Смешаться с большим количеством веселящихся людей. Ни о чем не думать, просто слушать музыку и танцевать. Забыть о своих проблемах хоть на один вечер.

Мы фактически опоздали, и концерт начинается через пару минут после нашего прихода.

— Принести тебе что-нибудь? — пытаюсь я перекричать музыку и аплодисменты, указывая Елене рукой в сторону бара.

— Да, пожалуйста, мне как обычно, — кричит Елена мне в ответ, но я вижу, что одновременно глазами она сканирует толпу, ища Роба. Роб — мой ровесник, а Елена совсем немногим младше, но почему-то я все равно чувствую себя так, как будто привела двоих детей на шумное мероприятие и должна не выпускать их из виду ни на минуту.

Иду к бару заказать напитки. Бармен еще не успел сегодня утомиться на работе и улыбается мне с повышенной приветливостью, а когда я прошу налить еще пару шотов, пытается завязать со мной разговор, но я смериваю его таким взглядом, что бедняга уже сам не рад своей попытке пофлиртовать. Расплачиваюсь, залпом выпиваю один шот за другим, забираю по бокалу с коктейлями себе и Елене и разворачиваюсь, чтобы вернуться на танцпол. Мне кажется, я даже слышу, как бармен присвистнул мне вслед.

Нахожу Елену в толпе и понимаю, что она нашла Роба.

— Хэй, не надо так пялиться, — громко, чтобы перекричать музыку, говорю я ей прямо в ухо. Елена осекается и отводит взгляд, беря у меня бокал.

Да, за этими влюбленными глаз да глаз. Проследив за направлением взгляда Елены, нахожу в толпе симпатичного высокого парня. Должно быть, это он. Я давненько не интересовалась отпрысками богатеньких семей, примерно никогда. Откуда мне знать, как выглядит этот загадочный Роб.

Градус веселья в толпе становится все выше, мы все подпеваем и танцуем, я постепенно теряю свою бдительность, мне кажется, что музыка звучит уже прямо у меня в голове, иногда кто-то из соседей случайно задевает меня рукой или толкает, но я не обращаю на это никакого внимания: сейчас я счастлива. Тайлер, уйди уже наконец из моей головы! Тебя ведь здесь нет…

В какой-то момент, оглядевшись вокруг, я вдруг понимаю, что потеряла Елену. Перевожу взгляд туда, где раньше видела Роба — черт, ну конечно же, его тоже нет! Да о чем они вообще думают!

Проталкиваюсь сквозь толпу: нет, так я не найду этих легкомысленных влюбленных. Здесь на одном только танцполе собралось больше тысячи человек. Лихорадочно оглядываю зал. Весь хмель моментально слетел с меня, как не бывало. «Алиса, они уже взрослые, — говорит кто-то в моей голове, — что ты можешь сделать? Пусть даже ты найдешь их». Но я не сдаюсь еще какое-то время, пытаясь найти Елену. Нет, все бесполезно. Выбираюсь из зала и в коридоре около туалета, прислонившись к стене, набираю номер подруги. Не отвечает. Двое парней, стоящих неподалеку, улыбаются мне, но я отвожу взгляд. Спасибо, мальчики, с меня и так довольно!

— Алиса!

Слава всем богам — это Елена, подходит сзади и берет меня под руку. Смотрю на нее с максимальным осуждением.

— Где ты была, Елена? Я повсюду ищу тебя! Что это за детские игры!

— Прости, прости, мне нужно было отойти, ну ведь совсем ненадолго, не злись пожалуйста, ну пожаалуйста!

Смотрит на меня умоляющим взглядом. Что я могу ей сказать. Пусть в конце концов хоть кто-то из нас будет счастлив в любви.

— Пойдем обратно?

— Пойдем!

Возвращаемся на танцпол, впереди у нас еще пара часов веселья. Окинув взглядом зал, Роба я не нахожу. Возможно, он ушел пораньше.

«Отлично повеселились», — думаю я спустя полтора часа, вместившие в себя веселья, по ощущениям, на целый год вперед. Мы выходим с Еленой на улицу, обе пошатываемся и смеемся до упаду, как это было круто! Сейчас очень не хватает свежего ветерка, который бы привел в порядок мои мысли после душного зала. Но, ни малейшего дуновения. Асфальт, нагретый за день, отдает свое тепло окружающему воздуху, и я смеюсь и лью прямо на лицо воду из бутылки, чтобы освежиться.

Нас ждут два разных такси, и мы все еще смеемся, рассматривая номера машин, чтобы не перепутать.

— Вот родители удивятся, если вместо меня приедешь ты, — говорит Елена, заикаясь от смеха.

— Ты первая, — говорю я, сверив номер и подталкивая ее к машине. — Напиши мне, когда доберешься, люблю тебя!

Елена целует меня и прямо-таки вваливается на сиденье, так что я уже начинаю сомневаться, не стоит ли мне проводить ее, но она уверенно захлопывает дверь и посылает мне воздушный поцелуй через стекло. Посылаю ей поцелуй в ответ и отхожу к своей машине.

Моя майка вся намокла, и ребята у двери клуба конечно же не могут оставить это незамеченным. Поворачиваюсь, чтобы сказать им что-нибудь в стиле «отвалите» и краем глаза вижу такие знакомые длинные светлые волосы. Девушка невысокого роста садится в такси в паре десятков метров от меня. Весь хмель окончательно сходит с меня, и я покрываюсь холодным потом, несмотря на жару. Просто не может быть, чтобы это была Мэделин!

Глава 9

Новое утро — такое же недоброе, как и предыдущие, за одним небольшим исключением — сегодня суббота, а это означает две вещи: во-первых, мне не придется тащиться в эту башню из стекла и металла, чтобы наблюдать там своего любовника, который готов шантажировать меня нашими отношениями, и мою подругу, которая, похоже, вовсе ей не является.

Хотя, прямых доказательств этому факту у меня пока нет, в то время, как доказательства моей вины перед ней, что называется, на лицо. Во-вторых, это означает, что я уже почти неделю живу новой и ненастоящей жизнью, жизнью, в которой я порой совершенно не узнаю тех, кто был близок мне раньше.

Со вздохом тащусь на кухню, чтобы сварить кофе. Соседские дети сегодня встали пораньше, их звонкие голоса слышны за забором. Похоже, они во что-то играют, судя по звукам, — это мяч.

Пью кофе, сидя в плетеном кресле, непонятно, каким образом, оказавшимся на этой кухне, и совершенно здесь неуместном. Перекидываю ноги через подлокотник и задумчиво болтаю ими, разглядывая окружающую действительность.

После второй чашки кофе в моей голове начинает вырисовываться план действий. Уборка! Вот что здесь необходимо, и немедленно!

Стенной шкаф забит под завязку, и, стоит мне открыть дверцу, на меня падают коробки, швабры, пластиковое ведро и еще какой-то хлам — непонятно, кто вообще его сюда положил… «Ну отлично, зато ничего не пришлось долго искать», — думаю я, потирая плечо. Впрочем, в доме Алисы такой беспорядок, что почти все — на поверхности, буквально ничего искать не приходится. Беру рулон пакетов для мусора, ведро, швабру и тряпку, надеваю резиновые перчатки, подцепляю свободной рукой корзинку с моющими средствами (половина из которых явно просрочена) и, глубоко вздохнув, принимаюсь за работу.

Через пару часов, вытерев пот со лба, останавливаюсь посреди того, что выполняет роль кухни-гостиной и оглядываюсь, чтобы оценить результаты своих трудов. Результаты, честно признаться, невелики. Эта Алиса — та еще барахольщица. Но это, пожалуй, наименьший из ее недостатков.

Кто-то звонит в дверь, но я не сразу реагирую, я ведь никого не ждала сегодня. Почему я не могу хотя бы один день побыть наедине со своими мыслями. И корзинкой с моющими средствами.

Решительно поправляю перепачканную футболку, смахиваю волосы от лица и подхожу к двери.

Там стоит Майк. Взволнованный чем-то Майк. Взволнованный Майк с букетом цветов в одной руке и брендированным пакетом из известного местного фастфуда. Так себе сочетание, но после уборки я зверски хочу есть, а из пакета доносится такой заманчивый запах.

— Привет!

О, да ты принарядился! На Майке дорогие джинсы, легкая рубашка и его любимые белые кроссовки.

— О, привет!

— Алиса? Ты что это, черт возьми, делаешь? Только не говори, что решила навести порядок? Ты?

— А почему это я не могу немного прибраться? — обиженно говорю я, машинально вытирая лоб рукой в мокрой перчатке.

— Нет, ну… можешь, конечно же. Просто я до этого никогда не видел тебя за этим занятием. Это так … необычно.

Еще после того нашего разговора по телефону, когда я снова забыла о существовании Майка, я поняла одну вещь, в которой утверждаюсь все больше. Из Майка мне позволено вить веревки, и он ни слова не скажет против. Странно. Он молод, красив, богат. А я — явно не самая завидная партия в этом мегаполисе.

Майк делает осторожный шаг вперед и я, смутившись, отступаю в сторону, делая приглашающий жест рукой.

— Ой, прости, заходи! Подожди минутку, я только руки вымою.

Майк понимающе показывает мне цветы и пакет с едой, мол я сам поставлю в вазу и сам разложу еду по тарелкам, а я, с трудом сдерживая смущенный смешок, ухожу в ванную мыть руки. Да, Майк, несладко тебе с ней жилось, сочувствую.

Убедившись перед зеркалом в ванной, что я не похожа на индейца перед важным боем, с грязевыми разводами на лице, возвращаюсь спустя пару минут на кухню в чистой футболке и обнаруживаю, что на столе уже стоит невесть откуда взявшаяся ваза с водой, в ней букет, на тарелках — куриные крылышки и картошка фри, салат — в большом прозрачном салатнике, здесь же два бокала, в которые Майк заботливо наливает колу.

Отодвигает для меня обшарпанный деревянный стул (Боже, на какой гаражной распродаже ты выудила его, Алиса?) и сам садится напротив. Он так трогательно волнуется, что мне становится катастрофически неудобно. Вот заботливый парень, о которого я периодически вытирала ноги, выражаясь фигурально. Он пришел в гости — а я даже не потрудилась помочь ему накрыть на стол…

— Ты, наверное, проголодалась? — спрашивает Майк, беря в руки салатник, — положить тебе салат?

— Да, конечно, спасибо, Майк.

— Извини, что я ворвался, вот так, без приглашения. Просто я не думал, что в выходной ты можешь быть занята … уборкой.

— Да нет, без проблем, это было спонтанное решение. Просто захотелось немного привести все тут в порядок, — я улыбаюсь обнадеживающе. Интересно, очень бестактно будет сейчас наброситься на еду? Крылышки так вкусно пахнут, ммм.

— Я знал, что ты будешь рада, если я принесу вкусненького, — Майк улыбается мне своей открытой улыбкой, во все тридцать два зуба.

Я ободряюще киваю и улыбаюсь ему в ответ, приступая к еде.

Майк нервно пьет колу и ковыряет вилкой в своей тарелке, но я настолько голодна и потому бессердечна, что делаю вид, что не замечаю этого. Я устала от загадок, сделаем вид, что их не существует, хотя бы на время.

Вытираю рот салфеткой и откидываюсь на спинку стула: спасибо тебе Майк, все было очень вкусно!

— Алиса! — ну вот, начинается… — У меня к тебе серьезный разговор. Я давно хотел предложить тебе…

О Боже, это что, кольцо? Майк поднимается из-за стола и подходит ко мне сбоку.

— Алиса, ты самое лучшее, что случалось со мной в этой жизни … и я … выходи за меня! Ты знаешь, что я люблю тебя и буду всегда заботиться о тебе!

Чувствую, что земля буквально уходит у меня из-под ног. Из-под ножек моего обшарпанного стула. Застываю с салфеткой в руке, а в голове — лишь звенящая пустота. Что бы ответила та Алиса? … А я?

Майк ждет моего ответа. В его руках кольцо, и это кольцо с бриллиантом — лучи солнца, пробиваясь сквозь пыльные окна, играют на гранях камня так, что глазам больно.

Господи, что я скажу Тайлеру? Как я должна объяснить ему, что мне нужно спасаться от Мэтта, и единственный способ, который кажется мне сейчас действенным – это выйти замуж за

Майка. Возможно, хоть так я смогу избавиться от тех отношений, что разрушают мою жизнь. У меня будет официальный предлог.

Ну, Тайлер, конечно, не согласился бы, что это рабочий способ. Даже если бы знал о наших отношениях с директором по продажам издательства Люкс Паблишинг. Не знаю, как он терпит Майка в моей жизни, но, если еще и Мэтт… Ври, Алиса, ври изо всех сил. Думаю, ты умеешь это делать.

— Майк … я согласна!

— Правда? Я так счастлив, Алиса!

Глава 10

Мы с Тайлером сидим на пожарной лестнице за его окном. Лестница не слишком узкая, так что мы вдвоем умещаемся рядом на одной ступеньке.

Сегодня выходной, и я законно пренебрегаю косметикой и неудобной одеждой, а потому могу тереть глаза, сколько мне вздумается.

Где-то там внизу под нами город плавится от жары и, если бы не потертое покрывало, брошенное на ступени, мы с Тайлером уже давно получили бы ожоги.

— Давненько я не припомню такого жаркого июля, — Тайлер отпивает колу прямо из банки.

Моя кола стоит ступенькой ниже, я растягиваю удовольствие, чтобы не пришлось лезть за новой банкой в окно, обратно в удушающую жару комнаты.

— Ну так, расскажи-ка мне еще раз, что, по твоему мнению, происходит в твоей жизни, Алиса?

— Не знаю, Тайлер. Я уже все тебе рассказала. И я почему-то знаю, что мне нельзя медлить, добром все это кончиться не может. Как когда в шахматах ты делаешь «пустые» ходы, которые не ведут тебя к победе, но лишь тянут время, и с каждым таким ходом ты все ближе и ближе к проигрышу.

— С каких это пор ты у нас играешь в шахматы, милая? Ну, постой-ка. Тем утром ты очнулась в квартире Майка. Вы мило побеседовали, но ты ничем не выдала ему себя и даже позволила подвезти себя до офиса. Там тебя поймал я. Меня ты тоже не вспомнила, но внезапно преисполнилась доверия к неряшливому незнакомцу, и даже пошла за ним в его уютную квартирку, хотя поначалу и врезала ему, и пыталась сбежать.

Дальше — больше, твое доверие ко мне возросло настолько, что ты решилась признаться, что ни черта не помнишь. Я счел, что ты либо перетрудилась в своем издательстве, либо перегрелась на утреннем солнышке, и великодушно предложил тебе передохнуть в своей постели. Собственно, раньше ты уже неоднократно отдыхала здесь, да и не только отдыхала, смею заметить. Но вдруг поздним вечером Алиса номер два просыпается и велит мне отвезти ее, внезапно, «домой». Хотя сама не имеет ни малейшего представления, где этот дом находится, и кто там может ее ждать. Черт, я был слегка обижен на тебя — даже потеряв память, ты все равно каким-то чудом помнила, что у тебя есть дом, вне этой квартиры.

«Здесь нет моих вещей, — говорю я в свое оправдание, — любая девушка поймет, что если в ванной лишь одна зубная щетка, значит, хозяин дома живет здесь один!»

Тайлер растягивает губы в саркастической улыбке и смотрит на меня искоса своими необычными глазами. Такие глаза называют «санпаку», и говорят, что их обладатель проклят. Японские суеверия — не думаю, что это тот источник, которому стоит доверять. Не знаю, откуда я знаю само слово «санпаку», и что оно обозначает, быть может, раньше, в моей прежней жизни мы уже обсуждали это с Тайлером.

Пока же обладатель необычных глаз вполне бодр и весел, и в его жизни, на первый взгляд, не намечается никаких трагических событий… кроме меня. Тайлер потирает лоб, прежде чем открыть рот, и все время, пока говорит, смотрит на меня не отводя взгляд и продолжая улыбаться.

— Быть может, я храню все твои вещи в отдельном ящичке. И пока ты где-то там далеко проводишь время на вечеринках издательства со своими друзьями, да и просто какими-то незнакомыми мужчинами, в этих своих платьях с голой спиной, что только лишь называются платьями, или же ночуешь у своего рафинированного Майка, у которого кроссовки белее, чем стол на моей кухне… Так вот, может быть, в такие вечера я достаю ящик с твоими дырявыми футболками, зубной щеткой и плюшевым мишкой, без которого ты заснуть не можешь с четыр-

надцати лет, и роняю скупую мужскую слезу, сдувая пылинки с твоих вещей и поднося их к лицу, вдыхая твой запах…ммм… А потом приходишь ты, дерзкая и циничная, как компания мужчин, вышедших из бара около полуночи, и опускаешь меня на землю своим «здесь нет моих вещей, Тайлер!»

К этому моменту от смеха я уже вся красная, как рак, и смеюсь уже беззвучно, только слезы катятся по щекам.

— Тай… Тайлер, — говорю я, отдышавшись, — да ты ведь не только художник, но еще и мастер слова! А ну как я предложу Мэделин твое творчество для нашего издательства? Я уверена, скучающие домохозяйки сразу же начнут раскупать твои романы тысячами экземпляров!

— Предлагай! Ради бешеных гонораров я готов поделиться ироническими историями, коих можно немало извлечь из наших с тобой отношений!

Мы смеемся как два идиота, до тех пор, пока Тайлер случайно не задевает локтем пустую банку из-под колы, которая с оглушительным грохотом начинает свое путешествие вниз по железным ступенькам.

— Идем! — он хватает меня за руку и тянет обратно в окно, — нужно укрыться на время, пока соседи не пожаловались на нас за хулиганство!

Тянет меня до тех пор, пока я, смеясь, не падаю рядом с ним на кровать. Внезапно мы оба замолкаем от того, как неожиданно близко друг к другу оказались. Тайлер опирается на локоть и смотрит на меня сверху вниз. Из-за его необычных глаз кажется, что он одновременно здесь, и… где-то далеко в своих мыслях. Или, что, глядя на тебя, он видит больше, чем другие.

Его извечная клетчатая рубашка расстегнулась сверху, и я вижу у него на груди продолжение татуировки, фрагмент которой я раньше уже видела на его шее, над воротом рубашки. Впрочем, на руках у Тайлера — тоже татуировки, а потому я не удивлена.

— Хочешь посмотреть? — спрашивает он, прищуриваясь. — У меня их много, и раньше ты была от них без ума. Может, сработает и сейчас?

Этот парень мне безусловно нравится. Он странный, но надежный, и я уверена на все сто, ну, ладно, на девяносто девять процентов, что могу на него положиться. А что, если? Нет, Алиса, ты не можешь. Ради своего каприза, ты только еще больше все запутаешь. Ты должна сначала разобраться, что вообще происходит, ведь дни идут, а ты до сих пор ни на шаг не ближе к разгадке тайны. Боже, какая же ты зануда! Ну пожалуйста! Нет, я сказала, нет! Тайлер подождет! Но он такой … ну, пожалуйста, дай мне поцеловать его!

Тайлер закрывает лицо обеими руками, откидывается назад на постель и смеется: «Милая, у тебя сейчас такое лицо! Никак не пойму, должен я был сейчас поцеловать тебя, или нет? Может, ты скажешь мне?»

— Нет, — бурчу я угрюмо: занудная Алиса победила.

— Нет, не скажешь? Или нет, не должен? — подначивает он меня.

Он обезоруживает меня своим поведением: не злится и не чувствует себя уязвленным из-за моего отказа. Похоже, уверен, что я сдамся, и это всего лишь вопрос времени. А он готов и подождать.

«Пожалуй, я собираюсь приготовить ужин, — говорит меж тем Тайлер, — поскольку ты лишаешь нас возможности заняться кое-чем куда более интересным, то стоит хотя бы поесть!»

Я угрюмо киваю и, нехотя поднявшись, иду за ним в сторону кухни. Молча усаживаюсь за стол и наблюдаю за кулинарными манипуляциями. А ведь Тайлер, пожалуй, был прав. Во всем этом огромном городе мой дом — здесь, рядом с ним.

Глава 11

Утро понедельника тянется медленно и занудно до того, что у меня сводит скулы, и я то и дело зеваю. За наглухо закрытыми окнами жаркий летний ветер свистит и резвится в свое удовольствие, а если глянуть вниз, то можно разглядеть, как он треплет верхушки деревьев в небольшом сквере через дорогу. Если бы не кондиционеры, трудолюбиво выполняющие свою работу по всему зданию, мы все давно бы задохнулись… или расплавились.

Мэделин и Мэтт сегодня вместе уехали «на встречу», чему я весьма рада, и совершенно не желаю выяснять, действительно ли это деловая встреча, или просто удобный предлог. Стелла с самого утра заперлась в своем кабинете: «Никого не впускай ко мне, Алиса, мне нужно сосредоточиться на важном проекте». «Ага, проекте, как же», — думаю я, болтая закинутой на колено ногой и разглядывая носки своих новых туфель винного цвета.

В отсутствии Мэделин, хозяйки, весь наш этаж словно притих. Я не дружу с коллегами. А то бы наверно сейчас могла сходить в комнату отдыха, посплетничать там или выпить кофе со льдом, или и то, и другое вместе… Мне сейчас лень даже думать об этом.

Напряжение последних недель измотало меня, и я затаилась. Как змея за камнем — некстати приходит в голову сравнение. Мэтью и Мэделин, как ни странно, весьма спокойно отреагировали на известие о нашей с Майком свадьбе. Особенно Мэтт. Он по-прежнему предупредителен и вежлив со мной, но больше не зовет меня в «Аркадию» и не улыбается мне за спиной Мэделин. Можно было бы подумать, что это моя победа. Но он не прост, ох, как не прост. И я жду подвоха, внешне стараясь сохранять спокойствие.

Елена — та искренне рада, что скоро мы с ней породнимся. Мне кажется, она больше участвует в планировании моей свадьбы, чем я сама. Все эти: «какого цвета будут платья подружек невесты», «под какую музыку жених и невеста пойдут к алтарю», и «с кем за один столик посадить дядю Тома и тетю Эльзу» — мне абсолютно не интересны.

После смерти бабушки у меня нет больше родных в этом городе, а своих дальних родственников, даже если они у меня есть, я не знаю, и разыскивать их, чтобы пригласить на свадьбу, не собираюсь.

На самом деле, меня волнует мнение лишь одного человека об этой свадьбе. И он, конечно же, до сих пор еще ничего не знает. Прошла уже неделя с тех пор, как я сказала «да», но я все еще не могу набраться сил, чтобы рассказать об этом Тайлеру. Я просто затаилась. Затаилась, словно змея в пустыне. Чего она ждет? Чего ждешь ты, Алиса?

На экране телефона всплывает уведомление о полученном сообщении, и я лениво тянусь посмотреть, кто это вспомнил обо мне в этот жаркий полдень. Это Тайлер: «Выходи, пообедаем. Жду тебя внизу через полчаса, у меня хорошие новости».

Улыбаюсь и отвечаю: «Хорошо».

Мне, конечно, нечему тут улыбаться, но это неконтролируемая реакция.

Я давно не видела Тайлера таким счастливым, видно, что его просто распирает от новости, которую он хочет рассказать. Он слегка приобнимает меня в знак приветствия, и я не отстраняюсь. За то время, что мы познакомились заново, мы начали играть в «друзей на грани». Таких друзей, которые явно влюблены, но никто не решается первым расставить все точки над и.

Тайлер покровительственно кладет мне руку на плечи, и мы с ним смешиваемся с потоком людей на шумной улице.

Обедаем мы в забегаловке средней руки через пару улиц. Здесь тихо, и кормят на удивление прилично. Тайлер ест бургер — жара явно никак не влияет на его аппетит. Я медленно жую салат и пью воду со льдом.

— Ну, ты расскажешь наконец? По какому это поводу ты такой довольный?

— Мне сегодня звонили, есть хорошее предложение на мою картину. Ну, ты знаешь, я выставляю кое-что в онлайн-галереях. А, ты не знаешь, забыла, — он машет рукой. — Ну, в общем, да, я выставляю свои работы. Дешево я не продаю, а потому конечно у меня не так много покупателей. Да я и не гонюсь за деньгами, поэтому кому попало не продам.

— Поэтому ты продаешь кому попало, но за большие деньги?

Тайлер приподнимает бровь: «Нет, за большие деньги первый встречный не покупает картины, и я всегда могу узнать, кто покупатель, и решить, готов ли я продать именно ему».

«Да ты разборчив», — думаю я. Но, хватит сарказма, пожалуй. Неужели я не могу просто искренне порадоваться его успехам?

— Новость и правда отличная, поздравляю! А какая это картина? Я видела ее раньше? Или это что-то новенькое?

Тайлер мнется: «Я думаю, что ты видела, да… Но, как бы это тебе сказать, раньше ты не особенно интересовалась моим творчеством. Или делала вид, что не интересовалась?»

Двоякая ситуация. Спросить бы у него напрямую, а многим ли я раньше интересовалась в его жизни? Нет, пожалуй, не стоит спрашивать такое.

«Вообще, я — пейзажист, — говорит Тайлер тоном экскурсовода, или учителя, который пытается что-то объяснить несмышленым детям. — А еще, немного абстракционист. Ну и я люблю городские пейзажи. В общем, у меня смешанная техника. Если тебе интересно, я с удовольствием покажу тебе эту картину, да и другие, все, какие ты еще не видела. Я назвал ее «Пустыня». С названиями у меня сложности, согласен. Может, ты мне что-то подскажешь…»

Он нервно смеется, видно, что ему кажется, что он хвалится передо мной, а Тайлер не любит хвалиться. Я залпом допиваю воду, так что у меня сводит зубы от холода, и ободряюще касаюсь его плеча.

— Хорошее название, Тайлер. Мне очень хотелось бы увидеть «Пустыню»...

Тайлер опускает глаза, но по всей его фигуре видно, что он доволен и горд, как павлин, распушивший хвост. О, все мужчины в глубине души — совершенные дети!

— Я в общем-то уже договорился о продаже, у тебя осталось не так много времени полюбоваться! Ты поедешь со мной, в субботу? Я сам повезу картину покупателю, хотелось бы познакомиться с ним лично. Это здесь недалеко, в пригороде, пара часов на машине. И там есть очень милый отель. Ты не подумай ничего такого, можем остановиться в разных номерах, если хочешь!

Тайлер, какой ты все-таки милый. А еще очень мило будет уехать на выходные из города, чтобы не думать эти два дня, что Мэтт может в любой момент заявиться ко мне домой, пока Мэделин будет где-нибудь на маникюре.

Майк, пожалуй, сможет обойтись пару дней без меня. У невесты очень много важных дел перед свадьбой, и жениху незачем в них вмешиваться. Да, свадьба… Я совсем забыла о ней, с тех пор как увидела Тайлера сегодня.

Тот крутит свои кольца, одно за другим, и ждет моего ответа.

— Ну, только если в разных номерах, — улыбаюсь я.

Глава 12

— Почему это мы едем на твоей машине? — щурясь от утреннего солнца, спрашивает Тайлер.

— Потому что я не хочу, чтобы твои покупатели подумали, что могут занизить цену! А если ты приедешь на встречу на своем ржавом ведре, они именно так и подумают: «Этот художник так беден, пожалуй, он будет рад, даже если мы уменьшим цену предложения раза этак в два».

Тайлер заразительно смеется, весь его вид красноречиво сообщает, что в данный момент ему наплевать и на покупателей, и на цену, которую они предложили, и вообще на все. Он просто рад нашей маленькой поездке на выходные в соседний город. Только он и я.

Я окидываю его оценивающим взглядом: костюм прилично устарел, слишком высокая посадка у брюк, слишком свободный пиджак, верхняя пуговица рубашки небрежно расстегнута, а ее манжеты торчат из рукавов пиджака. Задерживаю взгляд на его татуированных кистях. И кольца он тоже не снял. Но, черт, он все равно выглядит… потрясающе.

Тайлер смеется, приподнимает бровь и подмигивает мне, нарочито кокетничая.

— Ты смущаешь меня, когда так разглядываешь!

— Не обольщайся, я просто проверяю, все ли в порядке в твоем внешнем виде! Это вообще-то важная для тебя встреча. Когда приедем, не забудь застегнуть это, — кивком указываю на верхнюю пуговицу рубашки.

— Да брось, Алиса, это же не первая картина, которую я продаю. Все будет нормально, не волнуйся.

Так трогательно… а ведь я, правда, волнуюсь за его успех. Искренне. Интересно, была ли я с ним, когда он договаривался о продаже первой картины? Даже если и была, то явно чувствовала совсем другое.

«Пустыня» великолепна. Километры песчаных барханов с кое-где разбросанными пучками верблюжьей колючки. Кажется, что раскаленный воздух над песками дрожит. Пустыня выражает собой бесконечность. Бесконечность, безмолвие, равнодушие по отношению к человечеству. «Я была здесь тысячи лет назад и буду еще тысячи», — говорит она. Пустыня поражает своим величием. Тайлер здорово передал идею. Даже мне, далекой от какого бы то ни было искусства, хочется задержаться перед этим холстом. Она притягивает взгляд и заставляет любоваться собой. Это не просто мазки краски на холсте, оформленном в раму — эта пустыня словно живая.

— Я бы ни за что не продал ее, если бы знал, что тебе так понравится, — говорит Тайлер, расстроенно потирая лоб. — Но теперь я уже не могу отыграть назад, я договорился с покупателем, и не могу отказать в последний момент, это может сильно испортить мою репутацию.

— Да нет, ничего, пусть она едет к тому, кто ее купил. Он, наверное, тоже влюбился в нее с первого взгляда. Ты напишешь еще не одну прекрасную картину.

— Обязательно.

Я сижу в машине, пока Тайлер вместе с картиной ушел в дом. Странный парень. Который не может продать ее с доставкой курьерской службой. Которому нужно познакомиться с покупателем лично. Я, кажется, начинаю понимать его. Такую картину я бы тоже не смогла бездушно отправить службой доставки, не познакомившись с тем человеком, чью гостиную она будет украшать.

Довольный Тайлер выходит спустя добрый час, издалека машет мне бумагами, которые держит в руке — видимо, какие-то документы о продаже, может быть, договор. Резким движением открывает дверь и вваливается на сиденье.

— Ну что, с продажей?

— Да, спасибо! Этот покупатель мне понравился. Он реальный ценитель. Не просто богатенький коллекционер… Я доволен, «Пустыня» в хороших руках.

— Поздравляю, Тайлер!

Он внезапно тянется ко мне и целует меня по очереди в обе щеки, на секунду задерживается при втором поцелуе, и я ощущаю его дыхание на своей коже.

— Спасибо, Алиса…

Смутившись, я пытаюсь отстраниться, но это сложно сделать в тесной машине. Тайлер смеется и пристегивает ремень безопасности.

— В отель?

— Поехали.

Сосредоточившись на дороге, боковым зрением я, тем не менее, слежу за Тайлером. Он явно витает в своих мыслях где-то далеко, интересно бы узнать, о чем он думает. Возможно, он думает…

«Давай хотя бы сегодня без сложностей, Алиса? Хотя бы один день побудем просто самими собой? Я так устал, да и ты, мне кажется, тоже. Твоя бесконечная работа, мои картины, все эти сложности…»

«Мои отношения с другими мужчинами, — вот наши основные сложности, — мысленно заканчиваю я за него. А еще то, что я не могу «просто побыть сама собой», потому что до сих пор не могу выяснить, кто я, черт возьми, такая…»

Из моего номера есть отдельный выход на маленькую террасу: там мы и проводим вечер. Я зачарованно слежу, как свет фонарей очерчивает точеный профиль Тайлера. Он сидит на высоких деревянных перилах, опираясь спиной о столб, поддерживающий крышу, а я расположилась поодаль, забравшись с ногами в плетеное кресло.

— Хочу кое-что рассказать тебе. То, что раньше никогда не рассказывал.

Смотрю на него вопросительно.

— Ну, знаешь, мы же с тобой познакомились на выставке. Я тогда был еще совсем неопытным, только начал выставлять свои картины. Мне было не по себе: столько людей вокруг, вся эта пресса, фотографы, посетители. Никогда не знаешь, в какой момент тебя поймают за рукав и попросят дать комментарии, что ты хотел сказать той или иной картиной. Когда ты и сам не всегда уверен, что *именно* ты хотел сказать. Конечно, я очень волновался… А ты просто зашла и стояла чуть поодаль. И смотрела на меня. Я не знал, что это значит. И тоже незаметно следил за тобой. Мне кажется, ты пару раз уже даже делала шаг в мою сторону, но потом останавливалась. Мне надоела эта неопределенность, и я рискнул сам подойти к тебе.

Я улыбаюсь, вспоминая тот день его глазами.

— Я не уверен, помнишь ли ты тот наш разговор, но я помню каждое слово. Но… в общем-то, я не об этом. Я хотел сказать, что тогда, когда я подошел к тебе ближе, то сразу узнал. Вспомнил, что много лет назад, в детстве, мы уже были знакомы. Мы жили по соседству.

Отпиваю из высокого стакана какой-то экзотический коктейль ядовито-оранжевого цвета — мы разжились коктейлями в ресторане отеля.

В эти минуты я — самый счастливый человек на свете. Если бы у меня была золотая рыбка, чтобы выполнить мое желание, я бы загадала лишь одно — чтобы сегодняшний вечер длился вечно. Почему я не могу отменить эту чертову свадьбу? Сбежать вдвоем на край света. Быть счастливой с тобой до конца дней. Жить в каком-нибудь уютном захламленном домишке. Пусть у нас будет трое детей: две девочки и один мальчик. Растить их вместе. Радоваться их успехам, поддерживать во всех неудачах. Отпустить их во взрослую жизнь, и просто становиться старше с каждым годом, рядом с тобой. Сидеть вот так, как мы сидим сейчас, на крыльце. В тысячный раз смотреть на твои татуировки и серебряные кольца… Не отводить взгляд, когда ты смотришь на меня своими необычными глазами, потому что мне нечего скры-

вать от тебя… Сделать так, чтобы наша история не закончилась никогда. Пока мы живы, пока мы дышим…

Все это лишь мечты.

— Я смотрю, тебе не очень интересно? — спрашивает Тайлер, все это время, похоже, наблюдавший за выражением моего лица.

— Нет, ну что ты! Я вся — внимание.

Его кольца звенят о стакан, когда он берет его, чтобы сделать пару глотков.

— Мы с тобой в детстве жили в соседних домах, Алиса. Просто моей семье пришлось уехать. Родители развелись, и мы с мамой переехали в городскую квартиру. Никому не было дела до моей дружбы с девочкой по соседству. Тем более, это была такая односторонняя дружба. Я очень хотел дружить с тобой, но ты всякий раз старалась пройти мимо, перекинувшись лишь парой дежурных фраз… Мы с мамой уехали, а ты осталась там… с бабушкой. И со своей подругой Мэделин. Я и в свои 10 лет был уверен, что она просто пользуется тобой… Каково же было мое удивление, когда спустя добрый десяток лет я увидел, что ваша дружба продолжается до сих пор.

— Погоди, — говорю я. — И Мэтт был с нами?

— Конечно! Мэтт был самым популярным мальчиком в нашем классе! Что ты, красавчик Мэтт! Все девчонки сохли по нему — и я сейчас нисколько не преувеличиваю.

— И когда мы с тобой познакомились во второй раз, и с тех самых пор ты так и не рассказал мне, что знаешь меня с детства? Почему?

Тайлер пожимает плечами и смотрит куда-то вдаль: «Я не знаю, Алиса. Ты сделала свой выбор. Кто я был такой, чтобы осуждать его?»

— Ну ты хотя бы мог напомнить мне про детство?

— Мог, но не стал. Но я ведь рассказываю тебе об этом сейчас. Когда нам было по десять, я был всего лишь твоим странноватым нелюдимым одноклассником и, по совместительству, соседом, наблюдавшим со своего крыльца, как вы трое болтаете и пьете колу у тебя во дворе…

— Тайлер… В последнее время мне часто кажется, что наша жизнь — сплошная череда случайностей. Одно слово, один взгляд могут очень многое изменить. Ты бежишь за автобусом, случайно наступаешь в лужу, задерживаешься на пару секунд, твой автобус ушел, а вместе с дверями следующего для тебя открывается совершенно другое будущее… Не то, как если бы ты успел на тот, предыдущий автобус.

— Да, пожалуй, так… Но, к сожалению, никто из нас не может войти поочередно и в тот автобус, что он пропустил, и в следующий, чтобы потом сравнить результаты и выбрать лучший вариант. Это было бы неплохо. Но это невозможно… Приходится быть теми, кем мы уже стали…

С утра я просыпаюсь в своем номере. Эти пара коктейлей после рабочей недели были явно лишними: мои волосы в полном беспорядке, а на подушке следы макияжа, который никто вчера не потрудился смыть. Вокруг подозрительно тихо. Пожалуй, мне стоит принять душ и пойти посмотреть, как там мой спутник.

Телефон небрежно брошен на кресло около постели, и я машинально беру его в руки. После разблокировки экрана первое, что я вижу — уведомление о сообщении от Тайлера. Странно, что он пишет мне, когда сам в соседнем номере. Открываю сообщение, и ошеломленная сажусь на пол у кровати. Это снимок экрана… поста из соцсети Майка. Какое-то наше старое совместное селфи, с надписью: «Она сказала да!»

«Гость из номера 308 уехал сегодня рано утром», — сообщает мне вежливая девушка на ресепшен. Очевидно, что она сегодня рано встала и, прежде чем приехать на работу, пробежала пару километров, выпила зеленый смузи и нанесла на лицо увлажняющий spf-крем.

У меня раскалывается голова, я во вчерашней футболке и мне огромных усилий стоило умыться и почистить зубы. Ненавижу. И кто, скажите на милость, дал ему право проверять соцсети Майка? Алиса, нет никаких правил, которые бы запрещали ему это делать.

Кто понатыкал столько пригородных поселков вдоль всей трассы к городу и понаставил знаков с ограничением скорости? А если бы это Тайлер не сказал тебе о *своей* свадьбе, и ты узнала об этом от посторонних людей, как бы отреагировала ты?

Я не могу оставить эту ситуацию без объяснений. Вместо того, чтобы поехать к себе домой, я бессовестно звоню в дверь Тайлера. Никто не открывает, но я настойчива. И я останусь здесь до тех пор, пока он не вернется. Со вздохом опускаюсь прямо на плиточные ступени рядом с дверью. Надвигаю козырек кепки на глаза. Я не могу сейчас пойти домой и спокойно лечь спать. Я должна объяснить. Что ты объяснишь ему, Алиса? Он любил тебя, ты любила его. Но уже слишком поздно. Некоторые вещи нельзя отыграть назад.

— Ты что здесь делаешь? — Боже, этот голос, как что-то самое прекрасное в моей жизни, сейчас нет ничего важней. Поднимаю глаза — Тайлер стоит надо мной, и в его усталых глазах нет ни тени обычной улыбки.

— Ладно, пойдем. А если бы я пришел утром? Ты бы так и сидела здесь под моей дверью?

Я молча хватаюсь за протянутую руку и поднимаюсь, пока он свободной рукой открывает дверь.

Нет, я не сидела бы здесь до утра без дела, а искала бы тебя по всему городу и обязательно нашла, из-под земли бы достала!

Глава 13

Тайлер устало смотрит на меня снизу-вверх, пряди вьющихся темных волос падают ему на лоб: красив, как греческий бог. Замечала ли я это раньше? Я не знаю… Слишком долго он был для меня лишь безотказным влюбленным приятелем.

Опирается своим квадратным подбородком о переплетенные пальцы. Пальцы художника, с местами намертво въевшейся масляной краской. Я, как загипнотизированная, смотрю на его кольца. Как я раньше не замечала, что у него их *так* много.

— Ты такая красивая, Алиса!

— Не увиливай, Тайлер.

— Я не увиливаю, Алиса. Это просто демоны в моей голове… Иногда они сильнее меня, и я начинаю говорить то, что думаю.

— Тем вечером я пришла к тебе не просто так. Что мне было нужно?

— Мы все совершаем ошибки, Алиса. Я бы хотел забыть тот вечер навсегда, и я уже почти забыл его, если бы не твой допрос!

Я сжимаю кулаки так, что ногти больно впиваются в ладони, но мне все равно. Чувствую, как лицо обдает жаром. Он не понимает! Если я не выясню, что было тем вечером, мне не разгадать и то, что происходит со мной сейчас!

А этот ненормальный играет сейчас в печаль и всепрощение. «Посмотри, какой я идеальный, Алиса! Ты выходишь замуж за своего рафинированного дружка, а я ведь даже не злюсь на тебя, такой уж я великодушный! Мне больно, я хочу крушить все вокруг, а может быть, напиться, а может — заглянуть к своей безотказной симпатичной соседке, что живет этажом ниже. Но я — здесь, сижу с усталым видом и слушаю тебя, да еще и прощаю! Ну не герой ли я?»

— Между мной и тобой есть одна большая разница, — говорит Тайлер с расстановкой, четко выговаривая каждое слово. — Я готов отдать тебе все мое время, а это, на минуточку, самое ценное, что есть у каждого из нас. Все, без остатка, все, до последней капли, называй как хочешь. А в твоей жизни больше нет, кажется, ни минуты для меня.

«Ну и дрянь же ты, Алиса», — думаю я, но…молчу.

— Я пойду прогуляюсь. Мне нужно проветрить голову, — внезапно говорит Тайлер. Он не умеет читать мысли, которые вслух я не решаюсь высказать. Кулаки непроизвольно разжимаются, и я протягиваю руку, чтобы удержать его. Он не поднимает на меня глаз.

— Ты правда выйдешь за него?

— Да.

— Но ты же не любишь его?

— Конечно нет.

— Позвони мне, когда разобьешь и его сердце. Хотя… И когда ты вообще собиралась сообщить мне об этой свадьбе? Ты думаешь, я не заслуживаю хотя бы знать?

— Тайлер, постой, подожди! Я хотела тебе рассказать, но я…

Пожимает плечами: «Мне нужно пройтись».

Мне хочется закричать, хочется одним движением смахнуть со стола пустые стаканы, пусть все они разобьются! Пусть осколки стекла разлетятся по кухне. Только бы он не уходил. Только бы он смог понять, что я не могу поступить иначе. Я-настоящая думала, что я-прошлая не имею больше влияния на мою жизнь. Но, к сожалению, это не так. Мы не можем зайти в оба автобуса поочередно, и сравнив, выбрать лучший вариант…

Оставшись одна в квартире, я хожу из угла в угол, как тигр в клетке. Тайлер не хочет рассказывать мне, что случилось тем вечером. Он хочет забыть об этом. Нужен ли мне его ответ, или *это* и есть ответ? Тайлер любит меня, я уверена в этом. Любила ли его Алиса номер

один? Уверена, что нет. Люблю ли его я? Боюсь, что да. А вот Тайлер очень постоянен в своих чувствах. Он любил ее тогда и любит меня сейчас.

Что же он хотел бы навсегда забыть? Связанное со мной. Вспоминаю его усталые глаза. Думаю, это что-то плохое, касающееся той Алисы. Какой-то позорный поступок, который она хотела совершить … или совершила. Тайлер все видел. Только этим я могу объяснить его слова.

Случайно оказавшись в какой-то момент своих лихорадочных перемещений у кухонной раковины, я машинально начинаю мыть посуду: простые действия всегда помогали мне обдумывать ситуацию.

Итак, что же произошло тем вечером? Елена сказала мне, что я ушла с той вечеринки в издательстве. Я не предупредила ее об этом, и она долго искала меня. Мэделин сказала ей, что я скоро вернусь. Но я так и не вернулась в тот вечер. Где я была? Каким-то образом я виделась с Тайлером, но с утра проснулась в постели Майка, не помня ничего, кроме собственного имени.

Я косвенно знаю только одно — похоже, что тем вечером я совершила что-то за гранью добра и зла. Тайлер прикрывает меня перед всеми и даже передо мной самой.

Внезапно слышу, как он гремит ключами. Ненадолго же тебя хватило, полчаса, не больше. Я бросаю на стол полотенце, которым машинально вытирала руки, и подхожу к двери.

Тайлер обнимает меня так крепко, как будто мы не виделись минимум полгода. И я понимаю, что мне нужно просто отстать от него со своими вопросами, он все равно мне ничего не расскажет. И обнимаю его в ответ.

Глава 14

Следующим утром я просыпаюсь в постели Тайлера. Он мирно спит рядом, опираясь своей точеной скулой о кисть полусогнутой руки, тень от ресниц падает на щеку. Он так красив и спокоен сейчас, и даже кажется вполне нормальным, без своего потустороннего взгляда, и даже — беззащитным и слабым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.